

«Патриотический вопрос» в России времен Первой мировой войны: по материалам периодической печати

Эта статья рассматривает важный период в истории России и мира. Основное внимание уделяется вопросу : что такое патриотизм? Консолидация политических сил для того, чтобы выиграть? Ненависть к врагу? Может быть, это милосердие и благотворительность по отношению к семьям военнослужащих? И какую роль играет религия? Автор исследует вопрос патриотизма в России во время Первой мировой войны. Основные источники информации - российские газеты 1914-1916 годов.

Ключевые слова: Первая мировая война, патриотизм, периодическая печать, политика, антигерманские настроения, единство

V.S.Cherepenchuk

«Question of patriotism » in Russia at the time of World War I: the materials of the periodical press

This article reflects an important period of the history of Russia and the World. Major attention is paid to the question: what is patriotism? The consolidation of political forces in order to win? The hatred for the enemy? May be, is a charity towards the families of soldiers? And what role religion played? The author investigates question of patriotism in Russia at the time of World War I. The main sources of information – Russian newspapers of 1914-1916.

Keywords: World War I, patriotism, periodicals, policy, anti-German sentiment, unity

Вопрос о том, что есть патриотизм и кого мы можем называть патриотом, ныне весьма популярен. Существует известное определение, согласно которому этот термин происходит от греческого «отечество», «соотечественник» и подразумевает некую совокупность принципов: гордость историей и культурой своей страны, готовность жертвовать своим комфортом и интересами ради блага родины, стремление защищать ее. Но в чем выражаются эти принципы? Разные политические течения и разные общественные организации предлагают свои варианты и в соответствии с ними оценивают те или иные события...

Активно обсуждался «патриотический» вопрос и во время Первой мировой войны. Что есть патриотизм? Каких поступков ждут от человека, истинно любящего свою родину и желающего ее защитить?

Конечно, столь глобальное событие, как Первая мировая война, оказало свое влияние на все без исключения стороны жизни. Перестройка экономики и промышленности, огромные фронтовые потери, угроза голода, «шпиономания»... И большинство изданий – исследования, мемуары, дневники – упоминают о колоссальном патриотическом подъеме, охватившем российское общество летом 1914 года.

Ярким выразителем настроений, имевших место к 1914 году, служит периодическая печать. Заметки, фельетоны, репортажи, выходявшие в том или ином издании (напомним, что большинство газет представляли те или иные политические «платформы») создают наглядную картину того, какие рецепты предлагались для приближения к победе и снижения уровня напряженности в обществе и как понимали патриотизм представители различных слоев населения и разных политических течений.

Представим краткий обзор некоторых популярных изданий, наглядно представлявших те или иные характерные тенденции тех лет¹.

15 (28) июля, еще до объявления Германией войны Российской империи, Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Вскоре «Московские ведомости», остававшиеся «катковскими», консервативными и размещавшие материалы в соответствии с пропагандой начала войны, напечатали на своих страницах призыв «К молитве и единодушию!» за подписью протоиерея И.Восторгова. Это текст речи на всенародном молебне на московской Красной площади, состоявшемся 18 июля 1914 года. Место было выбрано, как сейчас бы

¹ Орфография газетных заметок приведена в соответствие с современными правилами

сказали, знаковое – памятник Минину и Пожарскому напоминал о подвиге народного ополчения начала XVII столетия. В тексте упор делается на идею православия, на образ России как носительницы истинно христианских ценностей и культуры:

«...разбойничий набег сделан на единоверную и единоплеменную, нами освобожденную Сербию; святому православию грозит опасность... решается вопрос: быть или не быть России великою державою, стоящей на страже правды, быть ей или не быть оплотом и достойною носительницею всеславянских надежд и упований, устоять ли на высоте мирового призвания православно-христианской славянской державы...» [7].

Как и многие другие издания, «Московские ведомости» обращают внимание на необходимость консолидации славянства, которую высветило начало войны, и пишут о том, что Россия как никогда готова принять на себя роль главы объединения:

«Уныния незаметно нигде – напротив, чувствуется какая-то особенная энергия и вера в светлое будущее... Во всяком случае России придется еще и еще раз взять на свои плечи всю тяжесть обще-славянского дела... Если теперь ударил час решения спора между германством и славянами, то усть скорее развязывается или разрубается этот узел: мы ко всему готовы... Бывают войны, освященные свыше, и мы верим, что если Россия извлечет свой меч, то Бог поможет нам, ибо в споре мы правы» [11].

Страсти достигли апогея, когда Россия стала непосредственной участницей военного конфликта. Так, «Петербургская газета» разместила сразу несколько кратких очерков под общим заголовком «Как встретил Петербург объявление войны». Например, «На Невском пр.»:

«Невский пр. сразу превратился в движущееся море голов. (...) Вслух читали сообщение об объявлении войны. Толпа с напряженным вниманием слушала сообщение. На углах главных улиц некоторые из толпы взбирались на фонарные столбы и оттуда произносили патриотические речи». «Манифестация у Зимнего дворца»: «В толпе несли портрет Высочайшей Особы, русские флаги и плакаты с различными надписями... Около Александровской колонны толпа остановилась. Став на коленях, грандиозная толпа пела гимн, заполнив всю площадь». «У германского посольства»: «Направляясь к посольству, толпа криками выражала свой протест и негодование по адресу немцев. Наперерез толпе двинулись чины полиции, которые и не допустили ее к посольству...» «Манифестанты требуют снятия статуй с Германского посольства»: «Громадная толпа манифестантов намеревалась отправиться к германскому посольству, чтобы снять с посольского дома статуи. Толпа была остановлена оратором, который убедил манифестантов не делать этого, а обратиться к правительству с просьбой избавить Петербург от этих безобразных статуй». «Манифестанты на автомобилях»: «По Невскому пр., в 12 час. ночи проехало до 10 автомобилей. Стоявшие в них мужчины и женщины обращались к публике со словами: «-Ура! Долой немцев из русских предприятий! Долой германские товары!» Многотысячным хором отвечает народ» [5].

В последних заметках из приведенного блока уже явственно сквозит яростная «антигерманская» агитация, которая в первые же месяцы войны становится привычной в России. Объектом ненависти становятся не только представители вражеских войск, но и вполне мирные немцы, австрийцы и другие выходцы из «центральных держав», проживавшие в России и подчас давно имевшие российское подданство. Забегая вперед, скажем, что статуи (массивные «кони с водничими») с крыши германского посольства на Исаакиевской площади все же были впоследствии сброшены и восстановлению не подлежали. В наше время все чаще раздаются голоса с предложениями вернуть зданию исторический облик...

Тогда же, в начале Первой мировой войны, острой критике подвергается супруга Николая II Александра Федоровна и распространяются слухи о ее «шпионаже» в пользу своей исторической родины. Приведенные примеры – свидетельство того, что для многих, увы, патриотизм являлся в первую очередь синонимом ненависти ко всему иностранному. Очень активно ведут себя издания крайне правой, националистической направленности: «За Россию!», «Голос Руси», «Русский стяг». Последняя в характерном для нее стиле обрушивается на «немецкую педагогическую систему», в том числе и на «главное немецкое укрепление» — Академию наук:

«К сожалению, приходится всюду наткаться на иноземные, по преимуществу, немецкие окопы, рвы и бойницы, из которых нас преисправно обстреливали, побеждали и брали с нас всяческие дани. Это было в промышленности, в торговле, в банковском деле, в науке, в искусстве и т.д. Даже в область религиозную были внесены эти германские цитадели. На днях в Гос. Думе сделано было открытие, что насаждением в России сектанства (баптизм, штундизм, адвентизм и т.п.) распоряжался германский генеральный штаб. Вообще отравление психики русского человека входило в план надвигавшихся на востоке немцев с целью подготовки благодарной почвы для настоящего нашествия и физического истребления, или порабощения беспечных россиян. (...) Неужели не содрогнется сердце каждого русского, если они узнают, что и после войны главное немецкое укрепление – Российская академия наук – проолжает восхищаться Ягичами, Моменами, Оствальдами, Вундтами, Баллодами, Гарнаками и другими варварами в тогах ученых, призывающими громы и молнии на нашу святую, многострадальную и многотерпеливую Русь!? Да не будет этого! Мы не преминем засыпать устроенные для нас волчи ямы немецкой лженауки, разрежем на мелкие куски германские проволочные ограждения к нашим отечественным духовным родникам...» [16]

Нужно отметить, что эта тенденция была популярна на всем протяжении войны. Особый накал антинемецкая истерия приобрела после первых поражений России на фронте.

Резко обострились и антисемитские настроения. Так, правый «Голос Руси» видел серьезную проблему в том, что в комитетах всероссийского земского союза (в частности, комитет всероссийского земского союза западного фронта) работало большое количество «лиц еврейского вероисповедания». В статье «К характеристике деятельности всероссийского земского союза» 07.09.1916 говорилось:

«Служебный персонал земского союза на три четверти создан уже во время войны, и, конечно, не может быть хорошо известен руководителям союза. По неизвестной случайности большая часть служащих оказалась евреями. (...) От наших военных властей не ускользнула странная организация всероссийского земского союза и ими было отдано распоряжение об удалении евреев, обслуживающих земскую организацию на фронте...» [8].

Схожую позицию занимало издание «За Россию!», проводившее параллели между национализмом и истинным патриотизмом, а также заявлявшее, что Россия воюет «За Россию», а не за возможность «осуществления прав мелких народностей»:

«В политической борьбе у нас привыкли не стесняться средствами; и вот, молодое русское национальное движение усердно и намеренно смешивают то с реакцией, то с бюрократизмом, то с деятельностью отдельных партий; не хотят признать только одного: русское национальное течение существует независимо и от правительства, и от российского космополитизма. Мы – русские националисты; вы – космополиты; «они» не с вами, но и не с нами. Это три отдельные силы. Вы, космополиты, сейчас, как общественное течение, сильнее нас, и все же будущее принадлежит не вам, а нам! (...) Неужели вы думаете, русский народ не понял еще, что вы – за отстаивание прав всякой национальной организации но только не русской? Русские общества вы травите и клеветаете на них. Думаете ли вы, что так продолжится бесконечно? Мы этого не думаем. Настанет час и русского равноправия!» [10]. «Недавно член Государственной Думы литовец Игас высказал в интервью с одним корреспондентом свое мнение о том, из-за чего воюет Россия. «Россия воюет за осуществление прав мелких народностей», - говорит депутат. Оказывается, при победе, одержанной над Германией, эти мелкие народности могут получить права, которых они никак не могли получить во время мира! Мы думаем, что в словах почтенного депутата скрывается недоразумение. (...) Есть более могущественный и великий принцип, за который мы воюем: мы воюем за Россию» [3].

Подобные тенденции приводили к погромам и прочим многочисленным проявлениям нетерпимости. Уже 22 июля (4 августа) 1914 года в газетах Москвы было размещено обращение «от главноначальствующего гор.Москвы» за подписью «свиты Его Величества генерал-майора Адрианова». В нем говорилось следующее:

«Переживаемые события высоко подняли патриотический дух населения Первопрестольной столицы. Естественно наряду с этим возбуждается чувство вражды против тех, кто дерзнул поднять меч на Святую Русь. Но мы должны помнить, что отражать нападение вооруженных сил неприятеля, по Державной Воле Царя, призвана наша доблестная, победоносная армия. Мирным же жителям, на долю которых не выпала высокая честь встать под знамена, надлежит... спокойно трудиться на пользу отечества. (...) А посему объявляю, что не должно быть допуская никакого насилия против иностранно-подданных, которые, в надежде на великодушие и справедливость русского народа, в среде его продолжают свои мирные занятия. (...) Поэтому также призываю и родителей и заступающих их место лиц сдерживать подчас неразумные порывы легко воспламеняющейся

молодежи и не давать ей без надобности толпиться на улицах города, чем нарушается как общий порядок, так в частности и передвижение войсковых частей» [14].

На этой же полосе ниже размещались обращения от «и.д. Московского городского головы» и от «Московской Губернской Земской управы» с призывом жертвовать деньги и вещи «на помощь армии и флоту и семьям запасных» с указанием адресов пунктов сбора. Там же приглашаются лица, желающие «помочь личным трудом по изготовлению белья и перевязочных средств».

Но снизить антинемецкий настрой и перевести энтузиазм граждан в мирное русло удавалось далеко не всегда. В газете «Вечернее время» в первые же месяцы войны были представлены полученные редакцией письма, в которых читатели, в частности, предлагали жесткие меры по отношению к «инородцам»:

«Так называемое «Русское» общество всеобщая компания электричества» после объявления войны спешно убрало свои немецкие вывески делает попытки показать себя русской фирмой, жертвуя в пользу семей запасных жалкие крохи. Та фирма является филиальным отделением германской того же названия «Allgemeine Elektrische Gesellschaft» и почти все ее акции находятся в руках немецкого банка и немцев, Ратенау, Росса, Дейча... (...) Оставаясь в крупных центрах, немцы могут быть отличными шпионами, и тогда снисходительное отношение к ним будет стоить очень дорого. О жестокостях, которые совершали немцы над несчастными русскими путешественниками, никто не говорит. Мы не хотим платить тем же. Простая осторожность подсказывает, что необходимо выселить всех немцев в глухие местности, а чтобы они не могли и там вредить, поставить их под строгий надзор» [4].

В некоторых письмах также встречается предложение ввести в России «сухой закон», так как «зеленый змей» является «косвенным союзником наших врагов».

Вскоре лишение немцев, австрийцев, венгров земли и выселение значительного количества их с насиженных мест в ряде населенных пунктов было закреплено законодательно путем так называемых «ликвидационных законов». В газетах разъяснялись все тонкости процесса: так, «Речь» в номере от 11 января 1915 года в статье «К выселению германских и австрийских подданных» сообщала: «Петроградским градоначальником разъяснено участковой полиции, что при главах семей иностранных подданных, оставляемых особыми распоряжениями, подлежат оставлению жены и дети» [6]. Но нужно отметить, что многие российские политики и представители рядового населения не поддерживали введение этих актов, считая подобное законотворчество насилием над законопослушными людьми, многие годы работавшими на благо России – ведь вся вина большинства из них заключалась только в их национальной принадлежности. Некоторые газеты – в том числе и проправительственно настроенные – скептически относились к проявлениям «ура-патриотизма»: «Утро России» в январе 1915 года в статье «Грустно ли?» рассматривала идеи бойкота немецких компаний и товаров, которые не только активно обсуждались, но и претворялись в жизнь. В связи в этом задавался вполне логичный вопрос: «началась экстренная организация новых фабрик с целью освобождения от немецких товаров. Мало ведь сказать: «бойкотируйте!» - а чем заменить товар, если он необходим?» [2]

Что же касается «незаметного патриотизма» - помощи раненым и обездоленным, благотворительных сборов, любых искренних проявлений обычных людей – он также не оставался без внимания. В газетах находилось место для описания подвигов людей, подчас вообще оставшихся безымянными. Так, иллюстрированное приложение к «Новому времени» от 4 апреля 1915 года разместило изображение некоей «медсестры С.», которая, перевязывая раненых под огнем противника, удостоилась даже одобрения врагов: ««Браво, ханум!» - кричали турки из своих окопов сестре С., смело выбежавшей из наших окопов и перевязывавшей раненых в 100 шагах от турецкой цепи» [12].

В чем же видели проявление истинного патриотизма большинство газет – монархических, кадетских, оппозиционных? В основном – в консолидации общества, в «отставлении в сторону» политических разногласий и объединении ради общего дела. В

«Петербургской газете» разместили заметку «Патриотизм оппозиции. От руководителей к.д.партии»: «Наш первый долг – сохранить нашу страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь- первая и единственная задача наша поддержать борцов верой в правоту нашего дела...» [15].

Кадетская «Речь» в первые же дни войны призывает правительство «снять оковы» с общества для наилучшего сплочения все сил в предстоящих военных действиях:

«Дезорганизованность общества ужасающая... Но теперь не время плакаться. Так же, как в военное время, всякий «резервный батальон» развертывается в крупную боевую единицу, так же и теперь, всякая общественная ячейка, всякая организация, будь то не только земство, но даже самый с виду незначительный кооперативный союз, должны развернуться, напрячь все свои силы. Не будем говорить громких слов. Когда такие великие слова, как любовь к родине – становятся разменной монетой, они теряют свое жизненное значение. Еще Гоголь сказал, что злоупотребление великими словами превращает и в общие места, а общим местам никто не верит. Итак, будем стыдливее и целомудреннее. Вспомним об Иванах и Петрах. Они-то уже пошли под знамена, они же выбыли из строя нормальной жизни, оставив позади себя своих жен и матерей. (...) русское общество, не изменяя своим политическим взглядам, должно вместе с этими Иванами и Петрами нести великую тяготу, сделать все, чтобы организованно встретить грядущие события. Легко сказать... но как это воплотить?

Здесь бесконечная ответственность правительства. Оно должно снять путы с русского общества, чтобы граждане русские, желающие прийти на помощь своему народу в тяжелую годину невзгоды, не были связаны по рукам и ногам, чтобы организаторские силы государства были пробуждены». (Д.Философов). [19]

Не оставили без внимания и роль интеллигенции: та же «Речь» разместила заметку за подписью «члена Гос.Думы А.Александрова» о том, что интеллигенция способна доказать свою политическую активность и о сплочении все слоев населения перед лицом опасности:

«Они² ошиблись и поверили глупой клевете о неспособности русской интеллигенции и народа проявить чувства пламенного патриотизма для защиты чести и достоинства России. Им казалось, что война для России есть начало ее разложения... ..они не только нас не запугали и не дезорганизовали, а своим подлым нападением они заставили Россию встрепенуться, они объединили ее от края до края и обратили ее в несокрушимую скалу» [13].

Не было забыто и низшее сословие: «Новое время» в апреле 1915 года в статье за подписью М.Курдюмова «Еще о деревне» выражало надежду, что военная опасность заставит Россию «очиститься от революционной смуты» как явления, чуждого здоровому духу простого русского народа:

«не по тому пути шли прежде, надо искать путь новый, - говорил мне и в Москве один рабочий, из крестьян. – Мало победить, надо себя к победе приготовить. Идем мы сейчас освобождать мир от немцев, против пушки – с пушкой, против штыка – со штыком...(...) Надо, чтобы все народы в русскую правду поверили, надо разум свой найти, тогда и другим поможем и себя устроим. – У народа на войну глубоко философская точка зрения. Наряду с толками о кончине мира и о страшных знаменьях чувствуется твердая вера в великую миссию русской нации» [9].

Правда, иногда единство перед лицом военной опасности в газетах представлялось с долей иронии: так, «рупор» действующей власти - «Московские ведомости» - в фельетоне «Война! Война!» позволили себе немного пройтись по представителям разных политических течений:

«Эс-Эр (вылезая из толпы).
Знать, вся Москва из монархистов.
Куда теперь мутить пойдешь?
Народ национален и неистов,
А нам цена настала – грош...

² Речь идет о некоем собирательном образе – «Рыцари Нибелунговой верности, коварно напавшие на Россию»

(слыша общее «ура», трусливо озирается и кричит со всеми):
-Ура! Ура!» [1].

«Новое время», всегда отличавшееся детальным разбором международной ситуации и сильно поправевшее еще до начала Первой мировой войны, в 1914 году также выносит на первый план необходимость перед лицом опасности забыть о политических разногласиях. Как сказано в заметке за подписью «В.Розанов»:

«Что-то неопишное делается везде, что-то неопишное чувствуется в себе и вокруг. Какой-то прилив молодости: на улицах народ моложе стал, в поездах моложе... Все забыто, все отброшено, кроме единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысел слил огромные массы русских людей в одного человека... (...) слышится решительно везде одно великое, радующее слово: «будем все, как один, забудем все свои разделения и все домашние былые ссоры» [18].

Но в то же время страницы многих газет используются для сведения счетов с политическими противниками. «Новое время» в том же номере, в котором размещался приведенный выше материал В.Розанова (!), помещает ехидную заметку «Похождения Милюкова в Вене», в которой разъясняет «австрофильский» накал в материалах Милюкова, напечатанных в газете «Речь». «Новое время» рассказывает о том, как зимой 1912-13 года, «в самый разгар славяно-турецкой войны», Павел Милюков приехал в венскую редакцию газеты «Reichspost» -

«органа убитого в Сараеве австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда, заклятого врага всего славянства, и главного виновника жестоких гонений на славян в Австрии. Там...Милюков развивал свои «идеи» о перспективах балканской войны. В конце разговора он сделал предложение, чтобы Австрия взяла себе все сербские и болгарские земли вместе с Солунью, и взамен этого согласилась бы на то, чтобы Россия получила проливы. (...) Немудрено, что точка зрения «Речи» совершенно совпадает с точкой зрения австрийских официозных газет...» [17].

В целом суворинское «Новое время» в 1914 году практически ничем не отличалось от любой «промонархически» настроенной газеты.

Как можно подытожить все вышесказанное? Большинство изданий в годы Первой мировой войны признавали острую необходимость консолидации политических сил, партий и сословий, считая это главным признаком патриотизма. Но слишком глубоким к тому времени оказался внутривластный кризис, и, несмотря на искреннее желание большинства россиян «спасти Отечество», война затянулась и впоследствии это стало одной из причин нового кровавого кризиса – революции.

Источники

1. Война! Война! // Московские ведомости. № 165, 1914.
2. Грустно ли? // Утро России. № 11, 1915.
3. За что же мы воюем? // За Россию! № 78, 1916
4. Из писем в редакцию // Вечернее время. № 846, 1914.
5. Как встретил Петербург объявление войны. Народные манифестации на улицах столицы // Петербургская газета. № 196, 1914.
6. К выселению германских и австрийских подданных // Речь. № 10, 1915.
7. К молитве и единодушию! // Московские ведомости. № 167, 1914.
8. К характеристике деятельности всероссийского земского союза // Голос Руси. № 891, 1916.
9. Курдюмов М. Еще о деревне // Новое время. № 14035, 1915.
10. Мы, вы и они // За Россию! № 78, 1916.
11. Необходимый отпор // Московские ведомости. № 165, 1914.
12. Новое время (илл. приложение). № 140314, 1915.
13. Они ошиблись // Речь. № 194 (2863), 1914.
14. От главноначальствующего гор.Москвы // Московские ведомости. № 169, 1914.

15. Патриотизм оппозиции. От руководителей к.д.партии // Петербургская газета. № 198, 1914.
16. Повсеместные окопы и крепости // Русский стяг. № 5, 1915.
17. Похождения Милюкова в Вене // Новое время. № 13775, 1914.
18. Розанов В. Вступаем в великую годину // Новое время. № 13775, 1914
19. Философов Д. Сплочение сил // Речь. № 192 (2861), 1914.